

Насвистывая что-то очень зазорное и мелодичное, то, что всплыло из памяти Эска, Лука вернулся домой с полным ведром чистой воды. У колодца никого не было, видимо, у многих еще не иссякли запасы дождевой воды, набранной с ливнями.

Не единожды сменив руку, держащую полное ведро, мальчик дошел до дома, но ни разу не остановился, чтобы отдохнуть. Он с наслаждением прислушивался даже к болевым ощущениям мышц уставших рук, спины, да всего тела, ибо чувство боли значило, что он вообще чувствует — живет!

С наследием странника Лука осознал, что Карим убил его, разбив голову большим камнем с заостренными краями. Вселение Эск'Онегута позволило ему выжить, а лень, жалость и скука странника — сохранить личность в теле. Первичное восстановление тела при вселении странника моментально залечило все полученные раны и ушибы. Хорошо, до встречи с мамой Лука догадался смыть кровь водой из бочки во дворе. Для стирки та вода не годилась, но для бытовых нужд — вполне.

У двери он остановился. Из дома доносился незнакомый приглушенный голос. Слух Луки после полного оздоровления стал идеальным и позволил разобрать каждое слово.

— Признай, Приска, что у тебя нет ни единого шанса выплатить виру, — размерено вещал чей-то вкрадчивый голос. — Ты хочешь, чтобы твоего сына отправили на рудники?

— Ты бредишь, Неманья, — устало и тихо произнесла мать. — Все знают, что Лука — увечный от рождения. Как он мог покалечить твоего сына?

— Хочешь сказать, что Карим мне лжет, женщина? Мой сын никогда не лжет! Твое отродье сломало ему ключицу! Оплатишь лечение и выступишь штраф.

— Сколько?

Лука почувствовал в голосе матери обреченность. Семьдесят пять серебра за Кору, которые еще даже не собраны...

— Семь золотых. Никаких отсрочек. Плати сегодня, сейчас же!.. — Неманья умолк, хмыкнул и добавил. — Или заходи ко мне после полуночи. Отработаешь!

Мать промолчала, и отец Карима принялся уговаривать:

— Приска, послушай... Будешь старательной и послушной, и, может быть, я скошу долг. Что скажешь?

Ответила ли что-то мать, Лука не расслышал, но о том, зачем хозяин таверны пригласил ее к себе, он знал наверняка, не маленький. Самому об этом пока только мечталось в беспокойных и потных снах, но мама и жирный Неманья в одной постели? Жаль, отца нет рядом, чтобы...

Зато есть он! Разозлившись на самого себя, он ворвался в дом, когда Приска уже решила на то, чтобы согласиться. Неманья в это время забрался ей под юбку.

От ярости у Луки расширились глаза. Тяжело дыша и сжав кулаки, он закричал:

— Отвали от мамы, мерзавец! Убери свои грязные руки!

— Шустрый пацан, — таверщик ухмыльнулся, но руки убрал. — А что скажет она сама?

Приска, что ты скажешь?

— Она скажет: «Вон из нашего дома!». Мама к вам не придет, и не мечтайте! Ваш сын и его друзья сами закидали меня камнями и чуть не убили! Голову разбили!

— Надо же, — изумился Неманья. — И правда, ходить начал. А я думал, врет мой сорванец, выдумал все. А оно вон как... Что ж, и где же твои синяки? Есть чем слова подтвердить?

Лука потянулся руками к виску, чтобы раздвинуть пряди волос и показать рану, но замер, вспомнив, что все исчезло.

— Они... зажили, — сбивчиво произнес он. — Я не вру...

— Так я и думал. — Неманья перевел взгляд на Приску. — Что решила?

Та украдкой бросила взгляд на сына, и усталое равнодушие к ударам судьбы, покорность, с которой она была готова принять грядущие унижения, смущение от этой готовности — все это сменилось гордостью за сына.

Впервые за многие годы она увидела в Луке черты своего мужа Севера Децисиму, храбростью, великодушием и мечом завоевавшему положение в обществе и ее сердце.

— Мой сын ответил за меня. Нет.

— Ну, нет так нет, — легко согласился Неманья.

Грубо сдвинув плечом мальчика, он прошел к двери, но остановился, подумал и развернулся.

— И все-таки... Это... Я что мыслю... — корчмарь прищурился, осмотрел Луку с ног до головы. — Как? Вот так просто взял и пошел? Не в храме, не у лекаря, а сам? Неужели, чтобы излечить калеку, потребовалось просто хорошенько врезать ему по башке? Надо бы запатентовать эту идею! — он расхохотался. — Ладно, живи, пацан... пока. Приска, к вечеру не принесешь деньги, я отправлю ублюдка на рудники. Ты знаешь, у нас, Ковачаров, слово крепче дуба!

Уходя, он громко хлопнул дверью.

В тот же миг перед Лукой всплыла строчка:

Очки Тсоуи: +1.

Связав эту информацию с тем, что произошло до этого, Лука понял взаимосвязь этих двух событий. Кивнув самому себе, он подошел к матери, поставил ведро с чистой водой, которое все это время держал в руках, на пол. Тыльной стороной ладони он утер слезы с ее щек и обнял. Крепко прижал к себе, осознавая, что они одного роста. Мать разревелась в голос:

— Что будет, сынок? Что теперь будет?

— Никто ему не поверит, мам. Посмотри на мои руки — они тоньше тростинки. Как я мог сломать ему ключицу? Господин судья — разумный человек, он не поверит их рассказам.

— Да, конечно, он справедлив...

Приска успокоилась, когда Лука напомнил ей о незаконченной стирке и Коре, которая томила в тюрьме. Рудники ей не грозили, но, если не выплатить вовремя выкуп, ее могут отправить в воспитательный дом. Последний день выкупа завтра, и, спохватившись, Приска бросилась к тазу.

— Мама, давай я помогу. Развесить белье?

— Я сама, сынок. Надо вскипятить котел, наносить чистой воды...

В этих хлопотах пролетел день. Лука носил воду туда-сюда, дрова со двора, развешивал и снимал белье, подавал его матери для глажки, помогал с укладкой. Мышцы жгло, они словно налились кислотой, но мальчик терпел, вспоминая, что раньше все это мать делала сама.

В сумерках они уложили готовое чистое белье в корзины, каждая из которых принадлежала отдельному дому, пользовавшемуся услугами мамы.

Приска не уставала воздавать хвалу всем богам за сына, а когда Лука собрался вместе с ней идти разносить белье, восприняла это уже как само собой разумеющееся. В доме появился мужчина!

Тем острее было ее безысходное горе, когда в лачугу вломились городские стражники во главе с маленьким злым констеблем, оторванным от ужина:

— Лука Децисиму! Ты обвиняешься в покушении на жизнь Карима Ковачара! Взять его, ребята!

<http://tl.rulate.ru/book/15101/299028>